ИСТОРИЯ ОДНОЙ БОЛЕЗНИ

Новый пациент Виктор Проскурин сразу показался мне странным. Почти не разговаривал, на вопросы отвечал односложно, проходя мимо, старался не смотреть в глаза. Обычно все наоборот — больные пытаются поближе познакомиться с доктором, чтобы пройти более расширенное обследование, заодно подлечить и другие болезни. Виктор был совсем не таким.

Худой, мрачный и молчаливый, с каким-то темным цветом лица, он грустно ходил по коридору отделения, редко с кем-то общался, перечитывал по нескольку раз лежавшие на тумбочке газеты и часто курил на лестничном проеме. Именно здесь мы в основном и встречались.

Из посетителей к нему приходила только мать — Раиса Павловна. Полноватая женщина лет шестидесяти с каким-то усталым выражением лица, она навещала сына каждый день вечером в одно и то же время. Они почему-то мало разговаривали друг с другом. Женщина приносила домашнюю еду, чай в термосе и очередную газету. После того как Проскурин доедал ее приготовления, мать собирала пищевые контейнеры в пакет, целовала его в щеку и уходила. Ко мне — лечащему врачу ее сына — она не подходила, как обычно происходит в отделении, не задавала вопросов и вообще не интересовалась его состоянием. Просто сухо здоровалась, когда мы встречались в коридоре или больничной палате.

***

У Виктора выявили тромбофлебит вен правой ноги, причем уже застарелый, частично разрешившийся. Однако этот диагноз требовал тщательного обследования и предполагал консультации разных специалистов. Тем более что внешний вид больного оставлял желать лучшего. От всех анализов и консультаций Проскурин отказался наотрез в первый же день.

— Доктор, мне всего этого не нужно. Вы просто лечите меня от этих ваших тромбов, и все. При чем тут анализы крови, мочи и всякая такая катавасия?

— Ну как же, так положено! — удивлялся я. — Надо докопаться до истины, нужно определить причину развития болезни, а потом уже выстраивать схему лечения.

— Ничего не нужно копать и строить, — активно противился Виктор, — я просто хочу покапаться здесь, подлечиться уколами, отдохнуть, в конце концов. И все! Я перетрудился на даче, отсидел ногу, вот она и опухла. Мне уже лучше. Я прошу вас, ничего не нужно добавлять к моему лечению. Я настаиваю!

— Но почему же, — не понимал я, — ведь это нужно в первую очередь вам, мы же хотим вам помочь, чтобы в дальнейшем таких проблем не возникало.

— Спасибо, уважаемый, — сухо улыбался Проскурин, — я ценю ваше внимательное ко мне отношение. Но всего этого не надо. Не хочу говорить об этом. Просто послушайте меня, и все. И еще — ничего не говорите обо мне моей матери. Очень вас прошу…

— Да она вообще со мной и не разговаривает. Ни разу ко мне не подходила…

— Это пока. Я ее попросил. Но она скоро не выдержит и придет к вам. Вот увидите. Ничего ей не говорите. Что-нибудь о тромбах этих ваших наплетите, и все. Ладно?

— Да я и не знаю ничего о вас, вы же не даете вас обследовать…

— Вот и хорошо, — чуть мягче улыбнулся Виктор и добавил: — Спасибо вам, не стоит так обо мне заботиться. Право, это лишнее. Извините, я сегодня устал отчего-то, хочу подремать. Да и вам отдыхать нужно — впереди всю ночь дежурить…

Подобные разговоры возникали у нас несколько раз. В итоге я устал его уговаривать и просто приходил в палату, чтобы померить давление и узнать о самочувствии. Так прошло почти две недели, и я с тяжелым чувством на душе уже определил дату выписки. Странный пациент, почти не контактный, он с каждым новым днем беспокоил меня все больше. Непонятное нежелание ему помочь меня обескураживало, разочаровывало и злило. Но против его воли я действовать не мог.

За два дня до выписки Проскурина мы встретились в курилке. Он глубоко втягивал в себя густой сигаретный дым и как-то безразлично смотрел в окно. Увидев меня, выходящего на лестничный проем, он рефлекторно кивнул головой и вновь уставился в окно. Минуту мы просто молчали. Потом я не выдержал:

— Виктор, вы много курите. Вам это противопоказано. Нужно бросать.

— Бросаааать, — протянул Проскурин и как-то саркастически ухмыльнулся, — все правильно. Это ваша работа — нам про вредности рассказывать. Только зачем?

Он неожиданно повернул голову и впервые посмотрел мне в глаза.

— Это же яд. Вы не смотрите на меня, я не пример для подражания. Сигарета не красит человека, тем более врача. Сам об этом еще успею пожалеть. Поверьте мне. А вам с вашими болячками нужно бросать срочно.

— Да я не об этом, — строго сказал пациент и опять отвернулся к окну. — Я не в смысле уязвить вас, вы и без меня знаете, что делать, а чего не нужно.

— Так и я не об этом! Я о вас. Вы категорически не хотите обследоваться, не хотите даже элементарные анализы сдать. Могу сказать, что дело тут не в даче и не в физической перегрузке. У вас явные нарушения в работе свертывающей системы крови. И вид нездоровый какой-то, и цвет лица…

— Доктор, не надо! — осек меня Проскурин и вновь посмотрел мне в глаза. — Не выбирайте слов, не аккуратничайте, я же вижу, что вы все сами понимаете. Какие свертывающие системы, какой еще цвет лица? Не лукавьте!

Я на мгновение опешил и не смог ничего ответить.

— Свертывающие системы… — опять передразнил меня Виктор. — У меня рак. И вы именно об этом думаете, поэтому и настаиваете на анализах и консультациях. Вы боитесь меня напугать своими предположениями, а я и без вас все это знаю.

— Давно?

— Скоро год, как я об этом узнал. А он, клешнястый, во мне сидит давно. Я еще раньше худеть стал, да и слабость изнуряет не первый месяц.

— А почему вы не лечитесь? Это же не приговор, современная медицина способна…

— Я же просил вас, доктор! — еще резче осек Проскурин. — Не надо утешений и лишних слов! Четвертая стадия не нуждается в современной медицине и врачебной суете. Я этого не хочу!

— Виктор, так нельзя! Какая еще суета?! Вам помощь нужна, а вы опускаете руки и подписываете себе приговор сами, — настойчиво заговорил я, но собеседник вновь не дал мне досказать:

— Доктор, она не знает… И не должна знать! Мать этого не переживет. У нее у самой два инфаркта было, еле выкарабкалась. Она думает, что у меня что-то с обменом веществ, придумала авитаминоз какой-то, покупает мне дурацкие добавки на дрожжах, какие-то тошные выжимки из осетровых плавников. А я их пью. Пью, только чтобы она ничего не заподозрила. Ей не вынести мой диагноз, понимаете?

Он закурил очередную сигарету, все также обреченно взглянул в окно и спокойно продолжил:

— Я ей и так в жизни столько всего плохого сделал. Деньги воровал, из дома уезжал, бросая в самые непростые дни, даже бил, когда пил сильно… Она не виновата, что я такой. А теперь я хочу, чтобы она спокойно дожила до моей смерти. А потом… Не знаю. Лучше так. Я не переживу, если она умрет из-за меня. Если бы не мать, меня бы давно в петле нашли. Но я не могу. Из-за нее. Понимаете?

Мне трудно было что-либо возразить на эту неожиданную исповедь.

— Я понимаю… Пытаюсь понять. Но…

— Спасибо, доктор. Извините, что я тут разоткровенничался. Не люблю об этом думать, а произносить вслух тем более. Я и от анализов отказался только потому, что она может сунуть свой любопытный нос в карточку и увидеть чью-нибудь запись. Тогда — конец. Я ей запретил к вам даже подходить. Она поэтому и не общается с вами, а так хочет. По глазам вижу. Не сердитесь на меня! Я, правда, вам очень благодарен. За все. Послезавтра я уеду домой. Мне уже лучше. Видите, и нога совсем похудела, отека почти нет. Ваш гепарин мне действительно помог — не зря я давал колоть себе живот.

Проскурин потушил окурок о стенку жестяной банки, отряхнул руки и, улыбаясь, совсем доброжелательно закончил:

— Ладно, милый доктор. Пора идти. Скоро мама придет, котлет своих притащит. Витаминных! Если бы вы знали, как я их ненавижу.

***

Оставшиеся два дня пребывания Виктора Проскурина в отделении прошли незаметно. Мы почти не виделись, совсем не разговаривали. Он не хотел. А я не навязывался. Его история все эти дни не выходила у меня из головы. Мне впервые нечего было сказать пациенту, которого я лечу. И никогда не вылечу.

В день выписки я снова дежурил. В дверь ординаторской постучались. Не дожидаясь разрешения войти, в комнату заглянула Раиса Павловна.

— Можно? — виновато проговорила женщина.

— Да, конечно, — машинально ответил я и замер. Сейчас что-то будет…

— Я на минуту, — торопилась Раиса Павловна, — мне два слова вам сказать надо.

— Присаживайтесь. Конечно, можно. Я вас внимательно слушаю…

— Вы не обижайтесь на Витю. Он не виноват, — умоляюще шептала женщина. — Он не со зла так с вами. Он странный, поэтому и анализы сдавать не хочет. Чудной он, всегда таким был. Он думает, что у него что-то с кровью, гемоглобина

не хватает, обмен веществ нарушен. Он это все ерундой считает. А у него — рак. Понимаете, доктор, рак!

— С чего вы это взяли? — принялся я разубеждать женщину. — Что вы такое болтаете?..

— Доктор, я вам правду говорю. Уже год, как диагноз выставили. Онколог мне по секрету сказала, что ему год-полтора осталось. Стадия уже последняя. Но он этого не знает. И слава Богу! Он бы с собой покончил, если бы узнал. Он слабый. Очень слабый! Я его знаю. Поэтому это странное нежелание обследоваться — к лучшему. Пусть лучше в неведении будет. Так легче. И ему, и мне… Я его втихаря лечу. Мне тут посоветовали выжимку из плавников осетра купить, говорят, клетки эти поганые убивает. Я за ней аж на Кубань ездила. Теперь этой вакциной его каждый день пою. Думаю, что полегчает…

Женщина опустила голову, закрыла морщинистое лицо ладонями и громко заплакала.

— Ну что вы, не надо слез, — дежурно протянул я, — не отчаивайтесь, может все еще образуется…

— Спасибо, доктор. Я все знаю сама, — внезапно встрепенулась Раиса Павловна, достала платок из кармана кофты и принялась спешно вытирать глаза. — Плакать и правда не надо. Витька сразу поймет, что здесь что-то не то. Он знать не должен!

Женщина суетливо вскочила с дивана, быстро оправила юбку и пригладила седые волосы.

— Не обижайтесь, доктор, ради Христа… Он не со зла. И еще — я тут вам гостинец принесла. Вы же дежурите, целую ночь будете в больнице, да завтра еще полдня. А кормят у вас, прости Господи, неважно…

Женщина протянула целлофановый пакет:

— Я вам котлет приготовила. Не побрезгуйте, доктор, возьмите. Витя их очень хвалит. Они витаминные — из трех сортов мяса. Сама фарш кручу. Такого в магазине не купишь.

ПРИШЕЛЕЦ

Из цикла рассказов «Вместо таблетки»

Когда санитарка приемного отделения Зоя Алексеевна ворвалась в хирургическую ординаторскую, там царила атмосфера девятого сна. Ответственный дежурный мирно спал на старом плюшевом диване, его коллега устроился неподалеку на сдвинутых креслах. Остальные дежуранты и ординаторы рассредоточились по свободным койкам в пустых палатах.

— Михаил Палыч, Михаил Пааалыч, — тараторила на ухо не желающему просыпаться хирургу явно чем-то взволнованная санитарка, — вставайте, родимый, тут у нас тааакое…

От настойчивых призывов санитарки хирург поднял голову, приоткрыл глаза и, увидев Зою Алексеевну, недовольно пробурчал:

— Зоя Сеевна, ну что за дела? Когда вы дежурите, вечно что-нибудь да происходит, вечно вы не даете хирургам поспать спокойно. Ночь на дворе, а вы за свое! А еще приемным покоем называетесь… Ну что там у вас? Опять канализацию прорвало?

— Михаил Палыч, у нас в приемном… Как вам сказать, ну, гуманоид…

Доктор тут же вскочил с кровати и проревел:

— Зоя Сеевна, ты что клеола нанюхалась или клофелину переборщила? Какие еще гуманоиды в четыре часа ночи? Имейте совесть!

— Какой, какой? Пьяный — вот какой! Пойдемте скорее, он меня спросонья чуть до смерти не напугал!

Через полчаса в ординаторской хирургического отделения, несмотря на позднее время суток, была вполне бодрствующая обстановка. Все доктора и стажеры, которые остались дежурить в эту увлекательную ночь, расселись по креслам уютной комнаты и, попивая кофе и явно не сдерживая веселых эмоций, с интересом слушали рассказ ночного пришельца.

Перед ними сидел вполне земной и, можно сказать, цивильный мужчина по имени Саша. При этом — прилично одетый и даже не очень-то и пьяный. Одно только умиляло развеселившихся докторов — голова его была помещена в прозрачный стеклянный колпак шаровидной формы. Видимо, именно за этот атрибут, с позволения сказать, одежды всполошившаяся санитарка и прозвала его гуманоидом.

Сам виновник незабываемого эпизода в обыденной жизни рядовой провинциальной больницы находился в веселом настроении и с удовольствием подробненько рассказывал историю своей неожиданной «болезни».

— Вчера днем я случайно встретил своего старого приятеля Борьку, которого не видел лет эдак семь или даже поболее, — увлеченно повествовал «гуманоид» Саша. — Ну, за встречу, тем более с любимым другом, сами понимаете, грех не выпить. Мы пошли в ближайшую закусочную и там до самого ее закрытия не только закусывали.

Нас в итоге попросили покинуть заведение, а сил и, главное, желания продолжить общение у нас было предостаточно. Вот Боря и предложил мне зайти к нему домой в гости, так сказать, на чаек. Мы прикупили в ночном магазине на всякий пожарный случай парочку «поллитрушек» и на такси приехали к нему.

Дома нас не очень гостеприимно встретила его супруга, которая даже чаю не предложила закадычным друзьями, а зачинила скандал в лучших традициях театрального искусства.

Я как-то смутился, растерялся, пытался было попрощаться с супругами, но Боря усадил меня на кухне, а сам вступил в переговоры с женой. В общем, он сразу показал жене, кто в доме Мейерхольд, и вежливо попросил, чтобы она не чирикала лишнего и не портила приподнятое настроение.

Темпераментная женщина все сразу поняла и спешно удалилась в комнату, демонстративно громко хлопнув дверью. Борис махнул рукой и приказал вытаскивать из пакета наши покупки.

Когда мы раскупорили вторую бутылку и почти уже перешли к любимым песням детства — мы ведь с Борькой в одном дворе выросли, — он вдруг затаился, призадумался и как-то игриво и лукаво спросил меня: «А ты все такой же смелый и изобретательный, как в молодости?»

Я, естественно, ответил положительно, тем более что это так и есть. Тогда он вызывающе выбросил вперед руку и азартно произнес: «Тогда докажи!» Я спросил, как могу это сделать. Борис торжественно проговорил: «А слабо тебе, как в шестом классе, аквариум на голову надеть?» Ну, я выпил еще рюмочку для смелости и, естественно, надел… Прямо с рыбками. Вода хлынула на паркетный пол, благо ее там было немного, Боря в исступлении хлопал в ладоши и буквально визжал от удовольствия. Мне тоже, признаюсь, было весело, к тому же махонькая рыбешка нещадно щекотала меня за шиворотом.

Когда пик озорства прошел и мой друг убедился, что я с годами не растерял способности пошалить, мне захотелось снять стеклянное «забрало», чтобы выпить

за это дело. Не тут-то было! Злосчастный аквариум решительно не хотел покидать мою светлую голову. Мой батя, чтоб эму икалось всю оставшуюся жизнь, наградил меня по наследству большими ушами, они-то и стали существенным препятствием для моего высвобождения.

И тут мне уже было не до смеху. Как только я ни корячился — и угол удобный подбирал, и шею маслом растительным смазал — ничего не помогало, стеклянный капкан не поддавался. Тогда Борис выдвинул смелую идею — предложил мне удариться головой о стол, чтобы разбить стекло. Мне идея эта сразу не понравилась. Несмотря на приличный градус и смелость, я сообразил, что мог запросто порезаться, а то и вовсе какой-нибудь осколок вонзился бы в мою шею, и тогда вообще каюк спектаклю. Я потребовал у приятеля найти стеклорез.

Минут двадцать Борис шумно потрошил свой столярный арсенал, безбожно матерился, естественно, винил в извечном бардаке жену и сына, но стеклореза так и не нашел. Но друг мой не отчаялся и, пытаясь меня успокоить, ушел к какому-то Толяну в соседний дом, заверив меня, что у него-то точно есть нужный нам инструмент. Ситуация получилась нестандартная — на дворе кромешная ночь, на будильнике третий час, я сижу на кухне в чужой квартире в ожидании чуда с немыслимым аквариумом на голове. Сами понимаете, трезвею помаленьку. Нервы ни к черту. А главное — не покуришь!

Прошло минут пятнадцать, потом еще столько же, потом еще… От Бориса ни слуху — ни духу. Я засуетился. Решил ему позвонить, чтобы выяснить ситуацию со стеклорезом и набрал номер сотового. Беда не приходит одна — оказалось, что телефон его лежал в нагрудном кармане куртки, мирно висевшей в коридоре. И тут произошло страшное — на мобильный рингтон, душераздирающе звучащий в коридоре, неожиданно вышла сонная и, естественно, злая жена. Что тут началось! Я никогда не видел, чтобы женщина так многоэтажно материлась. Я тщетно пытался объяснить нелепость ситуации, пытался найти компромисс, но взбешенная женщина почему-то не хотела меня слушать и зачем-то схватила в руку молоток. Тут я понял, что Бориса лучше не дожидаться.

Быстрее молнии я выскочил из Борькиной квартиры. Слава богу, что ей не пришло на ум меня догонять. Видели бы вы ее в гневе! Она не то что в горящую избу готова была сигануть, она бы, не задумываясь, спалила чего-нибудь сама. Если бы она до меня добралась, я бы сейчас не сидел перед вами, а лежал бы в какой-нибудь реанимации.

— А как ты, артист, до больницы-то добирался? На улице ночь, неужто такси вызвал? — требовали продолжения истории ухахатывающиеся хирурги.

— Да какое вам такси?! Тут, слава богу, пешком всего десять минут нужно, чтобы до вас добраться. Я мчался северным оленем! Сами понимаете — стрессовая ситуация. И это не самое страшное. То, что мне пришлось пережить дальше, вообще в мои планы не входило…

— Неужели поскользнулся? — не унимались доктора.

— Хуже! Вот вы, мужики, гогочете, а мне ведь не до смеху было! На улице — минус двадцать, я без куртки, в плюшевых тапочках, а тут еще, когда я выскочил из подъезда, стекло этого долбаного аквариума запотело! Я пока до вас бежал, постоянно этого гада вокруг шеи вертел, чтобы о затылок стенки вытирать.

Хирурги искренне хохотали, ликовали, требовали подробностей. Спать уже давно всем расхотелось, да и вряд ли тут после такого уснешь. Пришелец Саша, понимая абсурдность ситуации, на докторов не обижался, а терпеливо и подробно рассказывал свою невероятную историю. Местами и сам заливался смехом, оценивая происходящие события от третьего лица. Когда сюжет повествования подошел к логическому завершению, ночной гость уже совсем серьезно произнес:

— Мужики! Ну хватит уже издеваться! Вы же обещали, что, когда я вам все расскажу, вы высвободите меня отсюда. Давайте уже быстрее, а! Так покурить хочется — сил никаких нет!..

ANAMNESIS

1

Андрей Строганов по обыкновению опаздывал на работу, поэтому вбежал в отделение без халата, в наспех надетых на уличные ботинки бахилах. В стационаре сосудистой хирургии из-за порядком затянувшегося ремонта царила атмосфера военно-полевого госпиталя. В узких коридорах не вовлеченной в ремонтные работы половины отделения были хаотично расставлены больничные кровати с провисшими до пола сетчатыми основаниями и выглядывающими из-под небрежных простыней полосатыми матрацами. Между тесно расположенными койками ютились тюки и мешки, заряженные бутылями стойки для капельниц, заставленные вещами тумбочки и табуретки. Всюду, подобно гигантским муравьям, расползлись по полу разноцветные тапки, сланцы и туфли пациентов. Дежурная смена медсестер уже собралась в ординаторской на утреннюю «пятиминутку». У опустевшего поста кучковались полусонные обитатели стационара, неспешно выплывающие из переполненных палат в ожидании процедуры забора крови для анализов.

— Ой, Андрей Александрович! Здравствуйте! Вы уже из отпуска вернулись? Так скоро… разулыбались, завидя спешащего доктора, седовласые старушки в фланелевых халатах.

— Здрасьте, здрасьте! — также приветливо, на ходу отвечал им Строганов. — Как видите, уже на работу вышел, нам долго отдыхать не дают…

— А вы нас обратно к себе возьмете, или Кирилл Иваныч до выписки будет курировать? — кричали ему вслед пациентки.

— Разберемся. Мне надо сначала разузнать, как тут дела. После утренней конференции я к вам зайду, тогда и поговорим.

Войдя в просторное помещение ординаторской, Строганов застал до оскомины знакомую картину. За центральным столом две постовые дежурные сестры вслух зачитывали информацию о состоянии больных за прошедшие сутки. Вокруг сидели, а кто не успел занять место, стояли доктора и медсестры, внимательно слушающие отчет. Непривычным было одно — в кресле заведующего восседал не профессор Кубанцев, а его племянник Кирилл, заменяющий дядю во время его отсутствия.

«Похоже, шеф еще в отпуске. Ну и хорошо, значит, не будет выговора за опоздание», — автоматически промелькнуло в голове Строганова. Увидев вошедшего коллегу, все молча заулыбались и приветственно закивали головами. Андрей ответил взаимностью и пристроился незаметно в уголок между подпирающими стену сестрами.

Дежурная бригада монотонно зачитывала записи в огромных толстых тетрадях:

— …На рентген подготовлены: Анисимов из восьмой палаты, Белояров из холла и Баринова из седьмой. Температура: Караева — 38,2 вечером, утром нормальная, Бакшиева — 37,4 вечером, утром нормальная, Макаров — 37 утром и вечером. Гепарин получают: Караева из седьмой палаты, Туполев из коридора, Мишутин из второго холла, Хамбурова из второй палаты…

Услышав последнюю фамилию, Андрей Строганов встрепенулся.

— Что за Хамбурова? Галина Викентьевна, что ли? — шепотом поинтересовался он у молоденькой медсестры Лили.

— Вроде так ее зовут, точно не помню, — тоже тихо отвечала последняя. — Ну эта, старушка-профессор из медуниверситета. Ее в пятницу ночью Кирилл оперировал.

— Да-а-а-а? — протянул удивленно Строганов. — А что случилось?

— Тромбоз плеча. Она поздно вечером приехала. Дежурил Данилка малой, который и вызвал Кирилла по телефону. Вместе и соперировали.

— А профессор где, в отпуске еще? — продолжал перешептывания Андрей.

— Ну да, в Испании оне! Еще две недели будуть на солнышке греться, пока мы тут в этой грязи… — хотела было поерничать раздосадованная Лиля, но побоялась, что кто-нибудь может ее услышать.

— Надо же… Сама Хамбурова… Кто бы мог подумать. Вот так новости… — все так же еле слышно бормотал Строганов. Внезапно вспомнив ужасающую обстановку, что творится в отделении вот уже четвертый месяц ремонта, он осторожно спросил: — Погоди, а в палате-то какой она лежит?

— Во второй. Той, что раньше девятой была.

— В шестиместной?! — выпучил глаза изумленный доктор.

— Ха! Долго вы в отпуске гуляли, Андрей Саныч! В восьмиместной уже! Туда еще две койки впихнули. Мы план не выполняем, — шептала на фоне отчитывающихся медсестер Лиля. — Я ж говорю, дурдом да и только! Скоро в сестринскую заложат, а мы в коридоре будем дежурить…

— А как же первая палата? — не давал договорить ей Андрей.

— А что первая? Там занято. Еще с того понедельника два облитеранта заселены, ка́паются. Оба не хотели в коридоре лежать, скандалили, документами всякими трясли, на дневной стационар просились, но из-за плана их на постоянку положили, да еще и в первую палату, чтоб, не дай бог, жалобу не накатали. Виноватым-то будет не ремонт, а мы с вами — не удовлетворили потребности больных…

2

Профессор Хамбурова была хорошо известна в местных медицинских кругах. Несколько десятилетий подряд она заведовала кафедрой биохимии в здешнем медуниверситете. В свои восемьдесят пять лет прекрасно выглядела, тщательно за собой следила, работала на родной кафедре в должности второго профессора, читала свои неповторимые лекции.

Ее в буквальном смысле обожали и боготворили многие поколения студентов, становившихся впоследствии практическими докторами и преподавателями университета. Ее знали все врачи региона, даже те, кто не оканчивал местного вуза. Хамбурова была живой легендой, важным звеном в истории местной медицины, настолько авторитетным и титулованным ученым, что ни один из поочередно сменяющихся ректоров не допускал, чтобы она вышла на пенсию.

А Галина Викентьевна и не противилась, понимая, что кафедра — родной дом, а все сотрудники — ее дети, выращенные, воспитанные и поставленные на ноги при ее непосредственном участии. Последнее время Хамбурова жила одна, супруг много лет назад умер, а единственный сын прочно обосновался в Москве, где возглавлял какой-то крупный технический НИИ в звании академика. Он многократно предлагал матери переехать к нему, но Галина Викентьевна категорически отказывалась, не представляя свою жизнь без любимой работы.

Разузнав все подробности случившегося от Кирилла Кубанцева и ординатора Данилы, спешно переодевшись, Строганов прямиком направился во вторую палату навестить Хамбурову. Они были знакомы с времен его студенчества, когда Андрей под руководством Галины Викентьевны делал свои первые шаги в науке. Она звала его работать на кафедру, предлагала тему диссертации, но он выбрал практическую медицину и стал сосудистым хирургом, сохранив при этом с ней самое теплое общение.

Войдя в многолюдную душную палату, Строганов застал Галину Викентьевну сидящей на краю аккуратно застеленной кровати и осторожно попивающей чай из пластикового стаканчика. Поникшее лицо немолодой женщины казалось усталым и каким-то потерянным, но внешний вид был, как всегда, безукоризненным: аккуратно уложенная высокая прическа на шиньоне, обязательный маникюр, строгая темно-синяя в мелкий белый горох блуза, органично сочетающаяся по цвету с юбкой и приятный, легкий и необыкновенно знакомый Андрею аромат ее духов. Единственное, что искажало образ всегда элегантной дамы-профессора — зеленые плюшевые тапки, которые в спешке она успела захватить из дома при госпитализации.

Из-за лишних кроватей, втиснутых впритык друг к другу, в палате было тесно и некомфортно. Несмотря на приоткрытое окно, в комнате нависла давящая духота. Стоял стойкий запах левомиколя и дегтя.

В левом углу на высокой койке с металлической стойкой монотонно-протяжно стонала пожилая женщина с приподнятой кверху культей правого бедра, перевязанной белыми пеленками — сквозь них проступала сукровица.

Правее расположилась другая больная с «замурованной» широкими эластическими бинтами ногой, уложенной на возвышающуюся металлическую конструкцию. Ближе к выходу, лежа на боку, спала третья с наклеенной на шее послеоперационной повязкой. Четвертая, в шерстяной вязаной кофте с большим воротником, сидела на кровати и болтала левой ногой, опустив стопу в эмалированный таз с марганцевым раствором.

— Галина Викентьевна, здравствуйте! — громко заговорил Строганов, чем привлек внимание всех бодрствующих в палате.

— Ой, Андрюша, это вы? — обернулась Хамбурова и трогательно заулыбалась. — Как я рада вас видеть! Вы уже вернулись? Мне сказали, что вы в отпуске.

— Да, первый день вышел. Что случилось с вами, Галина Викентьевна? Как вы очутились у нас?

— Коварный тромб, Андрюша. Говорят, из сердца выскочил и вот в руку прилетел, закупорив кровоток, — подняла вверх правый рукав блузы и обнажила бинтовую повязку женщина. — Слава богу, что вовремя прооперировали. Говорят, что, если бы ночью не поехала в больницу, к утру бы могли ампутировать.

— У вас мерцательная аритмия? — будто не слышал подробностей Андрей.

— Да, несколько лет уже мучаюсь. Чем только ни лечили, ничего не помогает.

— А вы таблетки-то какие принимаете? Варфарин пьете?

— Раньше пила. Мне его еще Феликс Семенович назначал, но после его ухода на пенсию меня стал лечить Павел Евгеньевич из кардиологии. Он только докторскую тогда защитил, как раз по аритмиям. Он сменил схему терапии, назначил другие таблетки, более современные, которые можно пить без контроля анализов крови. Я обрадовалась, что каждый месяц не надо ездить в поликлинику, да и побочных эффектов от новых лекарств меньше, — объясняла ситуацию Галина Викентьевна.

— Все ясно. А рука заболела когда?

— Так в пятницу и заболела. Вы даже не представляете, какой это ужас, — эмоционально продолжала Хамбурова. — Я прибралась по дому, попила чай, уже

хотела ложиться отдыхать и вдруг почувствовала резкое онемение в правой кисти. Будто бы отлежала руку. Пальцы закололо, потом всю ладонь, чуть позже онемение перешло на предплечье. Ну и так далее, и так далее… Рука стала холодная какая-то, будто бы ватная. Я решила растирать ее мазями всякими, потом спиртовой компресс сделала, но становилось только хуже. Вскоре чувствительность совсем пропала, а потом началась боль. Да такая, что хоть на стену лезь. Я выпила анальгин, потом еще — лучше не становилось. Время позднее, второй час ночи. Думаю, до утра потерплю, а если не пройдет, пойду сдаваться врачам. Боль только усиливалась. Внезапно поняла, что не могу пальцами пошевелить — не чувствую совсем. Решила давление померить на всякий случай, а аппарат мне нуль показывает. Вот тогда я и поняла, что до утра ждать не стоит. Откровенно говоря, испугалась, что инсульт. Стала такси вызывать...

— А как же скорая? Почему в «03» не позвонили? — встревоженно перебивал ее Строганов.

— Так в том-то и дело, что свободных машин не оказалось, пришлось в скорую звонить, — все также подробно продолжала Галина Викентьевна. — Приехали совсем юные ребята, наши студенты. Подтвердили, что, может, инсульт так проявляется. Я не на шутку запереживала.

Началась суета, они принялись звонить какому-то начальству своему, докладывать ситуацию. В итоге меня спешно усадили в машину и мигом привезли к вам. Здесь принимал меня какой-то молоденький доктор, Даниил, кажется, его зовут. Посмотрел меня, оказалось, что и вправду пульса на руке нет. Сказал, что не инсульт это, что тромбоэмболия у меня, надо экстренно оперироваться. Одно другого хлестче. Еще, как назло, и профессор Кубанцев в отпуске. Но я согласие на операцию подписала — деваться-то некуда.

Рука бледная стала, синюшная какая-то и будто бы не моя совсем. Вскоре приехал Кирилл Иванович. Тоже у меня когда-то учился, я его помню по экзаменам на нашей кафедре. Внимательно осмотрел руку, озабоченно поохал и приказал срочно операционную готовить. Он-то мне и сказал, мол, правильно поступила, что в больницу ночью отправилась. Говорит, что могла и не успеть. В общем, через минут сорок меня уложили на операционный стол. Я очень боялась наркоза — сердце больное, да и годков мне не восемнадцать. Кубанцев решил оперировать под местной анестезией.

— Ну и как ощущения? Больно было?

Тут Хамбурова неожиданно смутилась и опустила на мгновение глаза. Потом обернулась и шепотом проговорила:

— Я все чувствовала, хоть и молчала. Конечно, не так остро, как без уколов, однако боль была ощутимая. Но я терпела…

— Зачем? — осуждающе прочеканил Андрей. — Надо было говорить хирургу, он бы анестезии добавил. Ну вы даете!

— Да нет, все хорошо, Андрюша, — начала оправдываться Галина Викентьевна. — Кирилл Иванович и так постоянно мне новокаина добавлял, да и операция затягивалась. Мне было неудобно капризничать, и так столько хлопот среди ночи им доставила…

— Глупости! — заревел Строганов. — Какие только глупости! Ну вы же сама доктор! Зачем нужно было терпеть? Надо было говорить Кириллу, чтоб добавил анестетика.

— Ну ладно, все уже позади. Все закончилось, к чему эти разговоры. В следующий раз буду умнее, — засмущалась женщина.

— Тьфу-тьфу-тьфу, — как-то театрально проголосил Андрей, — вот это совсем лишнее. Давайте без повторений! А почему операция затягивалась?

— Как я поняла, из-за моих таблеток, что мне кардиологи назначили. Они кровь разжижают сильно, поэтому и в ране кровоточивость никак не могли остановить. Кирилл Иванович стал нервничать, на Даниила этого прикрикивать. Но все обошлось. Они вытащили кучу тромбов из моих артерий и вновь пустили в руку кровь. Я эти тромбы собственными глазами видела. Длинные, как бычий цепень. Ужас какой-то!

Строганов громко и искренне расхохотался.

— Я только об одном, Андрюша, вас прошу, — полушепотом проговорила Галина Викентьевна, — вы только обо всем этом Кириллу Ивановичу не говорите. Я вас умоляю! Мне очень неловко, что я тут всех той ночью взбудоражила, из дома человека выдернула. Да и вообще, мой визит как-то некстати — у вас ремонт в разгаре, людей класть некуда, а тут я еще со своей горемычной рукой…

— Прекратите глупости говорить! — раздражился доктор. — Какое еще беспокойство? Я, право, удивляюсь вам. Вы мне лучше скажите, как вам тут в палате живется?

Женщина неожиданно изменилась в лице. Присущее ей озорство куда-то мигом улетучилось. Ставшая строгой и сдержанной, Хамбурова отвела чуть в сторону взгляд и, оглядывая обстановку, совершенно спокойно ответила:

— Я же все понимаю. В отделении ремонт, ситуация сложная… Как вам ответить?.. Конечно, не совсем уютно и спокойно здесь, но ничего…

— Вы хоть ночью-то спали? — тихо спросил Строганов и кивнул в сторону стонущей пациентки.

— Ну-у-у… Эпизодами, конечно, но поспала, — смущенно протянула Галина Викентьевна и, увидев гневный взгляд Андрея, уверенно продолжила: — Андрюша, вы только ничего не предпринимайте, я со всем согласна. Поверьте, меня все устраивает. Я же понимаю обстоятельства…

— Галина Викентьевна! — морщась остановил ее Строганов. — Я тоже понимаю обстоятельства. Я разберусь с этими вопросами. Вы, главное, кушайте, капельницы получайте и на перевязку не забудьте сходить. Скажите медсестре, чтоб меня позвала, я хочу на рану взглянуть. Да, кстати, чем вы сегодня завтракали?

— Кашей манной, да вот чай допиваю, — приподняла вверх пластиковый стаканчик Хамбурова.

— Ну и как, вкусно? — уже улыбаясь, проговорил доктор.

— Вполне съедобно…

Оба расхохотались.

3

— Кирилл, надо бы поговорить, — тихонько шепнул Андрей восседающему за компьютером в ординаторской Кубанцеву. — Пойдем к тебе в кабинет.

Через минуту оба уселись друг напротив друга в маленькой, но уютной комнате младшего Кубанцева.

— Кирилл, я по поводу Хамбуровой. Расскажи, что там на операции было, — обеспокоенно начал Андрей.

— Типичный тромбоз, точнее эмболия в плечевую артерию. Меня ночью вызвал Данилка, сказал, что ее по скорой привезли. Я приехал. Пульса нет, рука онемела, пальцами пошевелить не может. Взяли в операционную. Там особенности — высокая бифуркация артерии, которую долго искать пришлось, да еще кровила она беспрестанно на антикоагулянтах, гемостаз проводить замучились. По этой причине через два часа после первой операции надуло гематому. Данилка ее повторно брал, коагулировал раневой канал, выпускал гематому.

— Так ее еще раз в операционную брали? Ну, Галина Викентьевна, ну конспиратор, об этом даже и словом не обмолвилась.

— Короче, в пять утра Даниил ей ревизию раны проводил, кровили мелкие артерийки повсюду, хорошенечко прижег все да ушился.

— Понятно. Сейчас вроде бы все нормально, рука теплая, пульс есть. Вовремя успели, в общем. Слава богу, что до утра не дожидалась, приехала в больницу.

— Ну так, — развел руками Кубанцев, — без меня все хорошо понимаешь. Тут от времени многое значит.

— Послушай, Кирилл, — как-то тихо продолжил Строганов, — надо бы ее в двухместную палату перевести, как-то прям жутко смотреть на нее бедную. Все-таки это Хамбурова, уважаемый профессор, учились у нее.

— Куда? — округлил глаза Кубанцев. — Единственная двухместная палата занята. Как я людям скажу, что их переводят в общую палату?

— Кирилл, ну ты же все понимаешь. Такие люди, как Галина Викентьевна, как-никак не рядовые пациенты. Давай что-нибудь придумаем.

— Ну что-о-о? Что ты тут придумаешь? Как объяснишь пациентам, что им скажешь? — еще громче противостоял Кирилл. — Ничего же с ней за эти два дня не произошло, подлечим немного, швы снимем и выпишем.

— Я на себя этот вопрос возьму. Никто из больных возмущаться не будет, будь спокоен. Но ее надо переводить, так нельзя!

— Вот как ты это планируешь сделать? Андрей, это серьезный вопрос! Тут и так сплошные жалобы и недовольства из-за этого ремонта. Не хватало нам к приезду шефа очередную кляузу схватить!

— Да не будет никаких жалоб! — твердо возразил Строганов, поднимаясь с кресла и направляясь к выходу. — К тому же Георгий Павлович сам бы так сделал. Я даже не сомневаюсь.

— Ты еще профессора сюда приплети! — подскочил Кубанцев. — Давай только за дядю прятаться не будем. Отдохнул сам, дай ему отдохнуть в отпуске. Я даже не звонил ему, чтобы не отвлекать. Сами справились.

— Вот и молодец! — улыбнулся Андрей и вышел из кабинета.

Решить вопрос с переселением пациентов оказалось несложно — оба мужчины хотели формат дневного стационара, который подразумевал утренние процедуры в течение двух часов с последующим уходом домой. Для этой цели Андрей предложил им уютный диванчик в чистой и просторной учебной комнате, располагающейся в пределах отделения профильной кафедры. Оба охотно согласились на заманчивое предложение доктора и скоренько перебазировались в персональные апартаменты с электрическим чайником и маленьким телевизором.

Вернувшись в палату, Строганов застал Галину Викентьевну у постели той самой женщины, что еще недавно сидела, опустив ногу в таз с малиновым раствором.

— Давайте я вам сейчас помогу, — приговаривала Галина Викентьевна, придерживая пытающуюся прилечь соседку за спину. — Вам же тяжело самой, я подстрахую.

— Галина Викентьевна! Что вы делаете? — закричал Строганов. — Вам руку надо беречь, вы с ума сошли?

— А-а-а, Андрюша, это вы? — не поворачиваясь и не останавливаясь, проговорила Хамбурова. — Да мы тут с Валентиной Сергеевной лечь пытаемся. Я вот помочь решила, ей самой не справиться.

— Дайте я сам, — перехватил спину своей рукой Андрей. — А вы посидите, вам напрягать руку сейчас нельзя.

— Да у меня уже все в порядке, — оправдывалась женщина. — Я уже и мешки сама таскать могу!

— Этого еще не хватало! — пробубнил Строганов, укрывая устроившуюся на своем месте больную одеялом.

— Спасибо, милый доктор, — улыбалась последняя и тоже, будто бы оправдываясь, добавила: — Да я и сама бы как-нибудь справилась, а вот Галина Викентьевна настояла.

— На это сестры есть, надо их было позвать, — повернулся Строганов к Галине Викентьевне. — Чего не позвали-то?

— Да у них работы тут по уши, чего их беспокоить по пустякам.

— Пойдемте со мной на перевязку, я на руку взгляну вашу многострадальную, которую поберечь бы, между прочим, надо, — заговорщически сказал Строганов и, взяв под локоть Хамбурову, вывел ее из палаты.

4

— Со швами у вас порядок, Галина Викентьевна, — довольно сказал Строганов, забинтовывая ее руку свежим бинтом. — И пульс прекрасный, так что до свадьбы все заживет!

— Ну и скажете вы, Андрей! До свадьбы… Невеста какая нашлась, — довольно хохотала Галина Викентьевна.

— А что? Вы женщина свободная, мы вам тут и жениха заодно подыщем — вон их сколько, пол-отделения, какие хотите — и молодые, и постарше, — игриво продолжал Строганов. — Они за вами в очередь выстроятся, только свистни!

— Хулиган же вы, Андрюша, — кокетничала Хамбурова, натягивая засученный рукав блузы на бинтовую повязку. — Как только вам не совестно мне такие непристойности предлагать?

— Ой-ой-ой, — покривлялся Строганов и совсем серьезно продолжил: — Галина Викентьевна, вы сейчас идите в палату и вещи свои собирайте, мы вас в маленькую палату переводим. Я все уладил.

— За-а-чем?! — изумленно протянула Галина Викентьевна. — Это напрасные хлопоты! Я же не просила вас!

— Давайте не будем это обсуждать! Все решено!

— А как же пациенты, их куда? — продолжала недоумевать профессор.

— С ними все нормально. Они не возражали.

— Их что, выписали из-за меня? Так нельзя! Это совершенно неприемлемо, — строго проговорила Хамбурова. — Я не хочу, чтобы вы из-за меня людей обижали…

— Не переживайте! Они довольны. Мы выполнили желание пациентов и перевели их на дневной стационар, как они и хотели, — разъяснил Андрей. — Они очень довольны, поверьте мне на слово.

— Но все же это нехорошо, Андрей Александрович! Зачем все эти пертурбации? Я бы…

— Это не обсуждается! — не дал договорить ей Строганов. — Мы с Кириллом Ивановичем уже все устроили. Вы не берите в голову, переезжайте спокойненько в первую палату.

— А кто же теперь моим соседом будет? — не успокаивалась взволнованная женщина.

— Вы будете там одна.

— Ну это уж совсем никуда не годится! Андрей! Я против! Люди тут в тесноте ютятся, ремонт везде, а я буду одна… Я категорически не согласна!

— Галина Викентьевна! Я же сказал, что это не обсуждается! Пожалуйста, собирайте вещи и в первую палату! — отчеканил Андрей и, не дожидаясь ответа, поспешил выйти из перевязочной.

Через пятнадцать минут Строганов решил навестить Хамбурову, но палата с аккуратно застеленной новым постельным бельем кроватью была пуста. Решив, что Галина Викентьевна не успела перебраться сюда, он отправился ей помочь. Строгая и какая-то расстроенная Хамбурова сидела на прежней кровати. Растерянный взгляд ее был устремлен куда-то в пол, кисти рук напряженно сомкнулись поверх бедер. Заметив вошедшего доктора, она опередила его удивление:

— Андрей Александрович, мне надо с вами наедине поговорить. Можно?

— Что-то случилось?

— Пойдемте, выйдем…

Они молча проследовали в подготовленную для переселения палату и сели на кровать друг против друга. Профессор взяла за руку Строганова и заговорила первая:

— Андрей, послушайте меня. Я решила, что менять койку не буду…

— Но Галина Викентьевна!

— Не перебивайте меня, Андрей! Дайте мне договорить, — осекла разгоряченного доктора Хамбурова. — Поймите, я не могу этого сделать! Это неправильно! Я очень благодарна вам за заботу и хлопоты, но это лишнее.

— Перестаньте…

— Нет, это вы перестаньте! — опять прервала его Галина Викентьевна. — Я знаю, что говорю. Я так решила. Столько неудобств — ни к чему. Вы только посмотрите на этих несчастных больных людей, которые переживают настоящие беды и ужасы. Моя ситуация уже решена и кажется сущим пустяком. Ваши доктора мне вовремя помогли, и я в полном порядке. Чувствую себя прекрасно, на перевязке тоже все благополучно, таблетки и капельницы получаю. Эти переезды абсолютно лишние. Я высоко ценю ваше ко мне доброе отношение, но прошу меня понять и услышать. Не обижайтесь, пожалуйста, и не обижайте мое мнение…

— А вы нас не обижайте! — не утерпел Строганов. — Галина Викентьевна, поймите, никаких хлопот вы не доставляете. Мы действительно все уладили. Никто не остался обиженным. Правда! Не надо себя винить и корить за это. Давайте не будем мусолить одно и то же. Переезжайте в палату.

— Андрей, — взмолилась Хамбурова, — я так не могу! Да еще и одна в палате. Не могу и все! Это решено.

— Вот уж нет, — неожиданно нашелся Строганов. — Это приказ вашего лечащего врача! А распоряжения доктора здесь не обсуждаются! Вы переводитесь официально в первую палату, сестры уже документально это оформили. Будем журналы переправлять? А вот эти хлопоты будут лишними…

Хамбурова резко отпустила руку Андрея, расстроенно отвернула лицо в сторону и, досадно закачав головой, заохала.

— Галина Викентьевна, — уже мягче и тише проговорил Строганов, — не стоит так принципиальничать, давайте побережем вашу нервную систему и не будем волновать понапрасну сердце. Не хватало, чтобы давление подскочило. Вопрос решен и обсуждению не подлежит. Переезжаем!

Хамбурова внезапно повернулась к Андрею и сосредоточенно проговорила:

— Тогда у меня просьба к вам будет. Можно?

— Любая.

— Я перемещусь сюда, но только не одна. Можно я Валентину Сергеевну, соседку мою, с собой заберу. Понимаете, она жутко мучается там. У нее страшные мигрени по ночам, она в этом шуме спать совсем не может. Да тут еще и дети ее

расстраивают. Она их каждый день ждет, а они находят тысячу причин, чтобы не приезжать. Со своими язвами больше месяца лежит, никто ни разу не навестил. Бедная женщина все близко к сердцу принимает, плачет в подушку — смотреть больно. Мы с ней поговорим, посплетничаем, ей повеселее становится. Очень вас прошу, переведите ее со мной.

— Хорошо, — улыбнулся Строганов, — я поговорю с Кириллом. Вы только обещайте, что самостоятельно ее тягать не будете. Вам нужно руку беречь, это серьезное дело!

— Обещаю. Честное пионерское. Давайте я с Кириллом Ивановичем сама поговорю.

— Галина Викентьевна! — строго пресек ее Андрей и направился к двери. — Давайте уж я тут сам разберусь. Идите с подругой паковать баулы, я подойду помочь вам их перенести.

Строганов поспешил выйти из палаты, но внезапно остановился и обернулся к Галине Викентьевне:

— Кстати о детях. Вы давно обещали меня познакомить с вашим сыном. Олег Евгеньевич когда к вам приедет?

— Думаю, что на днях. У него в Москве дела какие-то неотложные. Как только явится, я обязательно вас познакомлю.

— Да, да, не забудьте! Мне еще не приходилось общаться с живыми академиками. Таких людей надо знать в лицо! — озорно добавил Строганов и удалился.

5

На следующий день Строганов, вновь опаздывая на пятиминутку, встретился с Галиной Викентьевной в коридоре отделения. Ответив на ее доброжелательное приветствие, он радостно добавил:

— Вчера вечером в магазине встретился с доцентом Шестоперовой с вашей кафедры. Она только прилетела из отпуска, про ваши происшествия не знала, очень встревожилась, услышав про то, что вы в больнице. Просила вас узнать, когда к вам удобнее всего прийти с визитом.

Хамбурова резко переменилась в лице. Она вдруг из милой и улыбчивой женщины превратилась в анемичную, будто бы каменная статуя советских времен, недвижимую фигуру. Строганов понял, что новость явно не обрадовала профессора.

— Что-то не так? — растерялся Андрей.

— Вы после планерки зайдите ко мне, — холодно ответила Хамбурова. — Мне с вами поговорить надо.

После утреннего отчета доктор поспешил к Галине Викентьевне. Женщина молча сидела на краю аккуратно прибранной кровати и, по обыкновению скрестив кисти рук, безразлично смотрела в окно. Соседки на месте не оказалось — она ушла на физиопроцедуры.

— Я вас чем-то расстроил? — встревоженно заговорил Строганов, войдя в палату.

— Как вам сказать, — как-то напряженно, явно подбирая нужные слова, начала Хамбурова. — Я по поводу вашей встречи в магазине с Викторией Геннадьевной.

— У вас с ней какие-то трудности?

— Да нет, что вы! Это же мои ученики, моя семья в какой-то степени… У нас с Викой прекрасные отношения, почти родственные…

— Я тоже это почувствовал. Она так расстроилась, обеспокоилась, как-то даже растерялась, по-моему. Обещала вам сегодня свежего супчика приготовить и хотела вечером навестить.

— Вот этого я и опасаюсь, — полушепотом ответила Хамбурова. — Понимаете, Андрей, меня это очень конфузит. Я кафедральным о своем пребывании в больнице ничего не говорила. Меня очень обрадовал тот факт, что сейчас лето, что все в отпусках и разъездах. Мне бы не хотелось встречаться с коллегами здесь.

— Но почему? Они же так за вас переживают! — воскликнул Строганов.

— В этом-то и проблема! Они сейчас сбегутся сюда гурьбой, а я… Как вам сказать… Я не в том виде и состоянии, чтобы их достойно принять. Я же здесь элементарно не могу привести себя в порядок! Выгляжу кое-как. Мне даже перед вами неловко.

— Что вы такое говорите? — распылился Андрей. — Галина Викентьевна! Всем бы так выглядеть! Вы всегда безупречны! Какие глупости…

— Не нужно, Андрюша. Я знаю, что говорю. Не спорьте со мной, — продолжала расстраиваться Галина Викентьевна.

Строганов улыбнулся и, приобняв по-свойски профессора за плечи, совсем по-доброму добавил:

— Какая вы трогательная! Милая Галина Викентьевна! Вы только это мне хотели сказать?

— Нет, кое-что еще, — все также сдержанно ответила Хамбурова и добавила: — Но тем лучше. Вы облегчили мою участь.

Строганов, чувствуя прежнюю скованность собеседницы и явную неприветливость к его сентиментальным жестам, прекратил объятья и внимательно посмотрел ей в глаза.

— Андрей, я бы хотела вас попросить, чтобы вы меня сегодня выписали, — огорошила доктора неожиданным заявлением женщина и, предвосхищая его эмоции, не дала ему ответить: — Знаете, я всю ночь не могла уснуть. Не потому, что со мной в комнате чужой человек, а потому, что просто не могла выкинуть из головы тех прежних поселенцев этой замечательной и уютной палаты.

— Галина Викентьевна, зачем вы опять начинаете эту тему? — возмутился Строганов. — Мы же все с вами обсудили!

— Пожалуйста, выслушайте меня! — оставалась категоричной Хамбурова. — Поймите, это меня мучает, я не могу об этом не думать. Я вынудила вас выселить пациентов, как ни крути, создала инцидент. Это все равно меня тревожит. Я понимаю, что переигрывать всю ситуацию назад нет смысла, но и находиться здесь я не могу. Я очень вас прошу, нет, я просто умоляю отпустить меня домой.

— Но мы не можем вас выписать! Швы еще не сняты, лечение продолжается. Нужны капельницы, перевязки, уколы…

— Я это понимаю, — стояла на своем Галина Викентьевна. — Но ведь чувствую я себя прекрасно, у меня нет болей, вы урезонили мою аритмию хорошими препаратами, со швами у меня тоже без сюрпризов. Я легко могу перейти на дневной стационар и приезжать по утрам на процедуры, после чего возвращаться домой.

— Каждый день ездить? Это не дело! К чему такие сложности?

— Андрей, я решу эти проблемы сама. Городской транспорт работает исправно, я на автобусе спокойно могу приезжать по утрам, как это делают многие ваши пациенты.

— Какой еще автобус? — недоумевал Строганов. — Я вас на автобусе не отпущу! А вдруг что-то случится? Даже слышать не хочу! С ума сошли! Каждое утро тащиться через весь город! Это же опасно!

— Хорошо. Я буду ездить на такси, — не сдавалась профессор.

— Тоже мне, дочь миллионера! Вам что, деньги девать некуда?

— Андрюша, милый мой мальчик, — впервые так назвала его Галина Викентьевна, — у меня с деньгами все в порядке. Поверьте мне. У меня неплохая зарплата, да и сын мне здорово помогает. Они с супругой довольно обеспеченные люди. Поэтому в денежном плане я не ограничена. Я обещаю вам, что буду ездить на такси и в автобус не зайду ни разу.

— Галина Викентьевна! — не унимался разгоряченный Строганов. — Я не могу этого допустить! Это все неправильно, не по-человечески! Давайте тогда я попрошу нашего ординатора, чтобы он вас привозил и увозил. Мне будет так спокойнее.

— Нет, это исключено! — отрезала Хамбурова. — Никаких ординаторов! Андрей, мы сейчас поругаемся, и я вовсе сбегу отсюда и ни за что не вернусь! Еще бы я ординаторов запрягла! Вы совсем меня своими предложениями убиваете! Давайте не будем спорить. Обещаю, что буду ездить на такси. И прекратим этот глупый разговор.

Строганова переполняли эмоции, но он не решился обострять ситуацию.

— И потом, — уже спокойнее продолжила Галина Викентьевна, — ваша история с Викой мне, откровенно говоря, руки развязала. Вы поняли, что в больнице видеться нам неудобно. Поэтому я спокойненько приеду домой, приведу себя в порядок и встречусь со своими учениками. Будьте уверены, она не одна явится, полкафедры соберется. Они же такие заполошные — я-то их знаю.

Андрей молча смотрел на своего учителя. Все нужные аргументы и эмоции предательски застряли где-то глубоко в груди. Ему очень хотелось убедить Хамбурову в обратном, но слова казались какими-то беспомощными и постными в сравнении с ее — убедительными и безальтернативными. Ясно одно — возражать бесполезно и бессмысленно.

6

Всю последующую неделю профессор Хамбурова исправно приезжала на процедуры к девяти утра. Галина Викентьевна настояла на том, чтобы ее койку, которую она занимала от силы два часа в день, после отъездов домой могли использовать другие пациентки, проходившие лечение в условиях дневного стационара. Доктора пытались противиться этому, но она была все такой же настойчивой и категоричной, чем вызывала недоумение и одновременное восхищение всего медперсонала.

С Андреем Строгановым они пересекались каждый день, по-приятельски мило общались, делились новостями, пили чай в уютной учебной комнате. Сколько бы ни приглашали необычную пациентку в ординаторскую, она ни разу туда не зашла, чтобы никого не смущать своим присутствием.

В день выписки Хамбурова приехала с пышным букетом цветов для медсестер и тремя громадными тортами для всех — докторов, сестер и обитателей второй палаты. Строганов долго и громко возмущался, размахивал руками, убеждал, что все это лишнее, что она неисправима, что так нельзя, но Галина Викентьевна только кокетливо смеялась и не давала разгоряченному доктору довести его эмоциональные речи до конца. Она действительно была неисправимой…

После завершающей курс лечения капельницы Кирилл Кубанцев в перевязочной снял ей последние операционные швы, и Галина Викентьевна, расцеловав его в обе щеки, поспешила отправиться домой. Строганов проводил ее до машины.

— Ну все, Андрюша, пора прощаться, — как-то робко заговорила у парадного входа в клинику Галина Викентьевна. — Спасибо вам, мой дорогой, за все заботы и такое трепетное отношение ко мне. Спасибо за память…

— Опять вы начинаете, — ворчал Андрей. — Это вам спасибо, что приехали, доверились нам, что скрасили своими визитами наш обыденный врачебный быт.

— Вот и сказал же! Я им скрасила быт… Какой вы смешной, Андрюша! Столько хлопот со мной, я такой капризной оказалась. Не обижайтесь на меня и забудьте все, что было.

— Перестаньте! — умоляюще возразил Строганов. — Такие встречи не забываются!

— Это точно, — слегка улыбаясь, ответила Галина Викентьевна. — Кто бы мог подумать…

— Пусть все это останется в прошлом. Просто воспоминание…

— Воспоминание… — процедила задумчиво Хамбурова, будто пробуя это слово на вкус. — Кстати, знаете как «воспоминание» звучит по латыни? Anamnesis.

— Правда?

— Да-да, Андрюша, именно так. Вот такой у меня интересный получился «анамнез»… А если серьезно, вы уж меня простите, если что не так, если кого обидела невзначай…

— Меня обидели, — неожиданно ответил Андрей.

Хамбурова вздрогнула и так искренне изумилась, что едва не заплакала.

— Меня обидели, — повторил Строганов и сквозь улыбку добавил: — Вы обещали меня с сыном познакомить, так ведь и не познакомили.

Галина Викентьевна на мгновенье опустила глаза, после чего проникновенно взглянула на Строганова.

— А, вы об этом… Извините, что обманула. Понимаете, как вам сказать… В общем, он не знает, что я в больнице… Я не сказала ему…

— Как?! Почему?! — взорвался от возмущения Андрей.

— Не захотела беспокоить его. В тот самый день, когда случилась эта злосчастная эмболия, моя младшая внучка выходила замуж. Ее жених наполовину грузин, сын известного столичного дипломата. Свадьбу решили праздновать на широкую ногу, по национальным традициям, на родине будущего супруга. Вся наша семья на неделю улетела. Я отказалась — здоровье уже не то, побоялась неприятностей в полете. Они все очень переживали, долго уговаривали, но я все же не рискнула. И, слава богу, видите, как все вышло.

— Но сыну-то сказать нужно было. Вдруг бы его помощь понадобилась…

— Зачем?! Что вы! Вы его просто не знаете. Он бы тут же отменил все торжества и примчался со всей семьей сюда. Он очень упрямый! Олег бы поднял такую панику, достал бы всех столичных профессоров, настоял бы на срочном переезде в московскую больницу. А мне лучше здесь. Тут все свои, все родные. Здесь я чувствую себя гораздо спокойнее…

Галину Викентьевну прервал гул подъезжающего к крыльцу такси. Ухватившись за руку Андрея, Хамбурова поспешила к машине.

— Вы не перестаете удивлять меня… — проговорил Строганов.

— Ничего удивительного. Я жива и практически здорова. За что вас всех и благодарю сердечно! — отвечала уже из приоткрытого окна автомобиля Галина Викентьевна. — Не берите в голову. Сегодня вечером Олег со снохой прилетают в Москву, завтра приедут ко мне. Я ему все и расскажу о своих приключениях. Ох и достанется мне от него, Андрюша! Вы даже не представляете. Вот после этого точно останутся незабываемые воспоминания… Тот еще будет «anamnesis».